

Лирические интонации и маршевая поступь

Второй вечер "Бетховенских академий" Михаила Плетнева и РНО преподнес слушателям новые художественные открытия и потрясения. Удачу первого концерта цикла в Оркестрионе, где, напомним, звучали Первая и Восьмая симфонии, можно теперь рассматривать как закономерность. Так что захотелось поразмышлять на тему, как же добиваются эти музыканты подобной гармонии между мастерством и вдохновением, которой были отмечены в этот вечер Четвертая и Пятая симфонии.

Первое, что замечаешь, – особое качество звучания РНО в бетховенской музыке. То, чего добивается Плетнев как пианист за роялем, – абсолютно изумительное туше, услышанное на его недавнем сольном концерте на "Декабрьских вечерах", – он стремится вытянуть и из оркестра. Не довольствуясь европейскими стандартами, он ищет свои индивидуальные краски: тонкие тембровые градации в струнной группе, по-своему выстроенные аккорды у духовых, опять же – интересные подголоски в фактуре, выдвинутые на первый план, и постоянный диалог между инструментами. Приобретают значение каждый акцент, каждая динамическая вилочка в партитуре. Вообще, инструментальный момент – как выстраивается дирижером фраза, как выполняются музыкантами штрихи – это тема отдельного разговора. Позволю лишь констатировать, что РНО пройдена и освоена настоящая школа классицистского стиля, и игра оркестра может служить великолепным образцом, как надо играть Бетховена.

Если как интерпретатор фортепианных произведений Плетнев свободно нарушает любые законы и границы, то, перевоплощаясь в дирижера, он соблюдает равновесие между нормами стиля и оригинальностью прочтения. Думается, что он идет по пути усиления контраста образов внутри каждой симфонии. Так, мягкая наивность и танцевальная неприужденность первых трех частей

Четвертой симфонии сменяются феерическим финалом, буквально ошеломляющим своей полетностью. Как и на прошлом концерте, Плетнев бисеровал финальную часть (хоть ею и заканчивалось первое отделение), сыграв ее еще более стремительно и зажигательно, чем раньше. Здесь особо хочется отметить дважды идеально сыгранное соло фагота.

Пятая симфония – сочинение хрестоматийное и этим психологически чрезвычайно трудное для исполнителей любого ранга. Впрочем, такого рода моменты, кажется, только подхлестывают Плетнева: именно дерзкий вызов корифеям рождает у него особое вдохновение. Не стал исключением и данный случай. Можно говорить о рождении подлинного шедевра – с точки зрения и качества обработки партитуры, и концепции целого, и одухотворенности звучания музыки, течение которой захватывает, не оставляя места для рефлексии.

И все же, осмысливая услышанное, хочется отметить главное. Тема судьбы стала здесь предтечей темы фатума у Чайковского, сблизив этих композиторов. Отсюда – неослабеваемое напряжение и постоянные трагические интонации, возникающие в том или ином виде в каждой части. В этой симфонии не нашлось места реверансам, да и вряд ли их предусматривал сам композитор. Недаром Гёте так не понравился неукротимый дух, стихийный характер, которые слышатся и в лирике медленной части, и в тревожных изгибах Скерцо, где пугает пиццикато скрипок и неумолимо напоминает о себе тема судьбы. Тем ослепительней триумф последней части, нарочито глакатной, с подчеркнутыми фанфарами духовых: тут вспоминается Бетховен – автор "Победа Веллингтона". И робкие лирические отголоски интонации темы Скерцо лишь оттеняют мужественность маршевой поступи и центростремительное движение к финальному апофеозу.

Евгения КРИВИЦКАЯ

Кривецкая - 2005 - 22 - 28 дек - с. 13